

Константин Станюкович

Куцый

«Морские рассказы»

Константин Станюкович

Куцый

«Public Domain»

Станюкович К. М.

Куцый / К. М. Станюкович — «Public Domain», — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Константин Михайлович Станюкович

КУЦЫЙ

I

В роскошное, раннее тропическое утро на Сингапурском рейде, где собралась русская эскадра Тихого океана, плававшая в 60-х годах, новый старший офицер, барон фон дер Беринг, худощавый, долговязый и необыкновенно серьезный блондин лет тридцати пяти, в первый раз обходил, в сопровождении старшего боцмана Гордеева, корвет «Могучий», заглядывая во все, самые сокровенные, его закоулки. Барон только вчера вечером перебрался на «Могучий», переведенный с клипера «Голубь» по распоряжению адмирала, и теперь знакомился с судном.

Несмотря на желание педантичного барона в качестве «новой метлы» к чему-нибудь да придраться, это оказалось решительно невозможным. «Могучий», находившийся в кругосветном плавании уже два года, содержался в образцовом порядке и сиял сверху донизу умопомрачающей чистотой. Недаром же прежний старший офицер, милейший Степан Степанович, назначенный командиром одного из клиперов, – любимый и офицерами и матросами, – клал всю свою добрую, бесхитростную душу на то, чтобы «Могучий» был, как выражался Степан Степанович, «игрушкой», которой мог бы любоваться всякий понимающий дело моряк.

И действительно, «Могучим» любовались во всех портах, которые он посещал.

Обходя медлительной, несколько развалистой походкой нижнюю жилую палубу, барон Беринг вдруг остановился на кубрике и вытянул свой длинный белый указательный палец, на котором блеснул перстень с фамильным гербом старинного рода курляндских баронов Беринг. Палец этот указывал на лохматого крупного рыжего пса, сладко дремавшего, вытянув свою неказистую, далеко не породистую морду, в укромном и прохладном уголке матросского помещения.

– Это что такое? – внушительно и строго спросил барон после секунды-другой торжественного молчания.

– Собака, ваше благородие! – поспешил ответить боцман, подумавший, что старший офицер не разглядел в полутемноте кубрика собаки и принял ее за что-нибудь другое.

– Ду-рак! – спокойно, не повышая голоса, отчеканил барон. – Я сам вижу, что это собака, а не швабра. Я спрашиваю: почему собака здесь? Разве можно на военном судне держать собак! Чья это собака?

– Конвертская, ваше благородие!

– Боцман... Как твоя фамилия?

– Гордеев, ваше благородие!

– Боцман Гордеев! Выражайся яснее; я тебя не понимаю. Что значит: корветская собака? – продолжал барон все тем же медленным, тихим и нудящим голосом, произнося слова с тою отчетливостью, с какою говорят русские немцы, и останавливая на лице боцмана свои большие, светлые и холодные голубые глаза.

Пожилой боцман, которого до сих пор все, кажется, отлично понимали, за исключением разве тех случаев, когда он, случалось, возвращался с берега пьяный вдрызг, недоумевая смотрел в бесстрастное, белое, отливавшее румянцем, безусое, продолговатое лицо, опущенное рыжеватыми бакенбардами в виде котлет, и, видимо, удрученный этим назойливым допросом, вместо ответа, ожесточенно заморгал своими маленькими серыми глазами.

– Так какая же это корветская собака?

– Матросская, значит, обчая, ваше благородие! – объяснил с угрюмым видом боцман и в то же время сердито подумал: «Не понимаешь, что ли, долговязый!»

Но «долговязый», казалось, не понимал и сказал:

– Что ты мне вздор рассказываешь!.. У каждой собаки должен быть хозяин.

– То-то у ей нет, ваше благородие. Она приبلудная.

– Какая? – переспросил барон, видимо не зная значения этого слова.

– Приبلудная, ваше благородие. В Кронштадте увязалась за одним нашим матросиком и явилась на конверт, когда он вооружался в гавани. С той поры Куцый и ходит с нами. Так его назвали по причине хвоста, ваше благородие! – прибавил в виде пояснения боцман.

– Собаки на военном судне – беспорядок. Они только гадят палубу.

– Осмелюсь доложить, ваше благородие, что Куцый собака понятливая и ведет себя, как следует. За ей насчет этого ничего дурного не замечено! – вступился боцман за Куцего. – Прежний старший офицер Степан Степанович позволяли ее держать, потому как Куцый, можно сказать, исправная собака, и команда ее любит.

– Слишком много вам позволяли прежде, как посмотрю, и распустили. Я вас всех подтяну, слышишь? – строго заметил барон, которому объяснения боцмана показались несколько фамильярными. И сам он, казалось, не особенно трепетал перед старшим офицером.

– Слушаю, ваше благородие.

Барон на секунду задумался и наморщил лоб, решая в своем уме участь Куцего. И боцман, весьма благоволивший к Куцему, со страхом ждал этого решения.

Наконец старший офицер проговорил:

– Если я когда-нибудь замечу, что эта собака изгадит мне палубу, я прикажу ее выкинуть за борт. Понял?

– Понял, ваше благородие!

– И помни, что я два раза не повторяю своих приказаний, – внушительно прибавил барон, по-прежнему не возвышая своего скрипучего однотонного голоса.

Боцман Гордеев, старый служака, выдавший на своем веку немало разного начальства и умевший понимать людей, и без этого предупреждения уже сообразил, что этот «долговязый», даром, что говорит тихо, без пыла, а такая «чума», с которой всем служить будет очень нудно, не то что со Степаном Степанычем.

Услыхав несколько раз свою кличку, Куцый потянулся, открывая глаза, лениво поднялся, сделал несколько шагов, выходя из темного угла поближе к свету, и, как смысленный, понимающий дисциплину, пес, при виде незнакомого человека в офицерской форме почтительно вильнул несколько раз своим обрубок.

– Фу, какая отвратительная собака! – брезгливо процедил барон, кидая взгляд, полный презрения, на невзрачную и неуклюжую большую дворнягу, с жесткой, всклокоченной рыжей шерстью, обгрызенными, стоящими торчком, ушами и широкой мордой, местами покрытой плешинами, словно изъеденной молью.

Только необыкновенно умные и добрые глаза Куцего, пристально оглядывавшие барона, несколько скрашивали его уродливую наружность. Но этих глаз барон, верно, не заметил.

– Чтоб я не встречал никакой этой мерзкой собаки! – проговорил барон.

И с этими словами он повернулся и поднялся наверх, сопровождаемый удрученным и нахмурившимся боцманом.

Поджав свой обрубок – следы злой шутки одного кронштадского повара, Куцый побрел, прихрамывая на одну давно сломанную переднюю лапу, в свой темный уголок, чуя, надо думать, что не имел счастья понравиться этому долговязому человеку с рыжими баками и со злым взглядом, который не предвещал ничего хорошего.

Один матрос, слышавший слова старшего офицера, ласково потрепал общего корветского любимца, который в ответ благодарно вылизывал шершавую матросскую руку.

II

Испытывая чувство тоскливого угнетения, обычное в простом русском человеке, которого донимают нотациями и жалкими словами, боцман еще целую четверть часа, если не более, выслушивал, стоя навтыжку в каюте барона и теребя в нетерпении фуражку, его длинные, обстоятельные и монотонные наставления о том, какие отныне будут порядки на корвете, чего он будет требовать от боцманов и унтер-офицеров, как должны вести себя матросы, что такое, по понятиям барона, настоящая дисциплина и как он будет беспощадно взыскивать за пьянство на берегу.

Отпущенный наконец из каюты с напутствием «хорошо запомнить все, что сказано, и передать кому следует», боцман радостно вздохнул и, весь красный, словно после бани, выскочил наверх и пошел на бак выкурить поскорей трубочку махорки.

Там его тотчас же обступили почти все представители баковой аристократии: фельдшер, баталер, подшкипер, машинист, два писаря и несколько унтер-офицеров.

– Ну что, Аким Захарыч, каков старший офицер? Как он вам показался? – спрашивали боцмана со всех сторон.

Боцман в ответ только безнадежно махнул своей волосатой, красной и жилистой рукой и сердито плюнул в кадку.

И этот жест, и энергичный плевок, и раздраженное выражение загорелого, красно-бурого лица боцмана, опущенного черными, с проседью, бакенбардами, с красным, похожим на картофелину, носом и с нахмуренными бровями, словом, все, казалось, говорило: «Дескать, лучше и не спрашивайте!»

– Сердитый? – спросил кто-то.

Но боцман не тотчас ответил. Он сделал сперва две-три отчаянные затяжки, сплюнул опять и, значительно оглядев всех слушателей, жаждавших услышать оценку такого умного и авторитетного человека, наконец выпалил, несколько понижая, однако, свой зычный голос, стяжавший горлу боцмана репутацию «медной глотки»:

– Прямо сказать: чума турецкая!

Столь убежденная и решительная оценка произвела на присутствующих весьма сильное впечатление. Еще бы! После двухлетнего плавания со старшим офицером, который, по выражению матросов, был «добер» и «жалел» людей, не обременяя их непосильными работами и учениями, дрался редко – и то с пыла, а не от жестокости – и снисходительно относился к матросской слабости – «нахлестаться» на берегу, – иметь дело с «чумой» показалось очень непривлекательным. Немудрено, что все лица внезапно сделались серьезными и задумчивыми.

С минуту длилось сосредоточенное и напряженное молчание.

– В каких, однако, смыслах он чума, Аким Захарович? – заговорил молодой, курчавый фельдшер, которому, по его должности, предстояло менее других опасности иметь столкновения со старшим офицером. Знай себе доктора да лазарет, и шабаш!

– Во всяких смыслах, братец ты мой, чума! То есть вовсе нудный человек. Зудит, как пила, и никакой не дает тебе передышки, немчура долговязая! Сейчас вот в каюте донимал. Глядит это на меня рыбьим глазом, а сам: зу-зу-зу, зу-зу-зу, – передразнил барона боцман. – Я, говорит, вас всех подтяну. У меня, говорит, новые порядки станут. Я, говорит, за береговое пьянство буду взыскивать во всей строгости... одно слово, зудил без конца... Совсем в тоску привел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.